

Лу Юши увидел во сне женщину. В этом сне она смотрела на него свысока, и оба молчали.

Комната была запущенной и мрачной, повсюду витал запах тлена. Женщина с самого начала лишь молча наблюдала за ним, не произнося ни слова.

Лу Юши знал, что это сон, но никак не мог проснуться. Ощущение удушья охватило его со всех сторон, и он чувствовал, что вот-вот задохнётся.

— А-а! — С тяжелым вздохом он очнулся. — Каждый раз, когда мне снится эта женщина, ничего хорошего не происходит.

Он сбросил одеяло и встал с кровати. Видимо, из-за того что голова была укрыта, он и чувствовал, что не может дышать. Хотя это и был кошмар, сцена в нём не была ни страшной, ни кровавой. Просто он не хотел видеть лицо этой женщины — женщины, которую он биологически должен называть матерью.

На самом деле ни в доме, где он раньше жил с отцом, ни в доме бабушки, где он живет сейчас, не было ни следа её присутствия. Ни фотографий, ни даже упоминаний её имени.

Однако слава этой актрисы была настолько велика, что её лицо мелькало в рекламе на улицах и в новостных уведомлениях на телефоне. Он просто не мог забыть его, даже если бы хотел.

Лу Юши постоял на месте, пока неприятное чувство внутри не рассеялось. Он хотел налить воды, но в чайнике не осталось ни капли, и ему пришлось спуститься вниз.

Слева от лестницы находился кабинет деда. Было два часа ночи, и свет из приоткрытой двери просачивался наружу, сопровождаясь приглушёнными голосами.

Дед вернулся?

Профессор Фу давно был в командировке, и, скорее всего, только что прилетел с международного рейса.

В воспоминаниях Лу Юши его дед сильно отличался от всегда сдержанной и элегантной бабушки. Это был добродушный и улыбчивый старичок, самый простой в общении человек в семье Фу.

Он направился к кабинету, просто чтобы поздороваться. Но разговор, который он услышал, заставил его остановиться на месте.

— ...Хорошо, что ты тогда настоял на том, чтобы Юши пошёл в общий творческий класс. Иначе сегодня было бы сложно уладить ситуацию. Кто знает, что ещё могли бы устроить родители

того Чжоу. — Это был голос Шэнь Цин. — Эти мелкие журналисты, вооружённые ручками, считают себя выше других, но готовы порвать друг друга ради такого пустяка, как место в классе.

— Просто отвратительно.

Другой голос, слегка улыбаясь, ответил:

— Не злись. Кстати, как Юши справляется в том классе?

— Средненько. Хорошо, что мы не стали запикивать его в элитный класс — с его оценками это было бы невозможно. — Она вздохнула. — И когда с ним говоришь, он только делает вид, что соглашается, совсем как его мать.

— Он здесь ненадолго, потерпи ещё пару лет. В конце концов, он не носит фамилию Фу, так что не слишком переживай. Но его присутствие в общем творческом классе помогает успокоить родителей из художественных классов. — Лу Юши услышал, как его дед продолжил:

— Недавно я слышал слухи, что Хуасин не позже чем через два года завершит переход из государственного в частное учебное заведение. Сейчас важно создать хорошую репутацию для художественных классов.

— Ты прав. Раньше я думала, что его присутствие в общем классе будет позором для нас и боялась, что Чэн Цзян выразит недовольство. Ведь новый спортзал построен только наполовину, а для будущих художественных классов нужно переоборудовать студию. Если Чэн Цзян не будет инвестировать, то, полагаясь только на этих скупых членов совета директоров...
— Обычно сдержанная Шэнь Цин вдруг усмехнулась.

Услышав это, даже если бы Лу Юши был дураком, он бы всё понял. Теперь стало ясно, почему его дедушка и бабушка, которые столько лет не обращали на него внимания, вдруг согласились заботиться о нём. Почему его не остановили, когда он решил стать спортсменом.

Смешно, что он думал, будто они хотя бы были прогрессивными. Он даже считал, что если его мать не любит его, а отец не хочет заниматься им, то хотя бы дедушка с бабушкой готовы дать ему наставления...

Оказалось, что их слова были мягкими, как тофу, а сердца — острыми, как ножи.

Неудивительно, что он снова увидел этот сон. Ничего хорошего, конечно, не произошло. Лу Юши усмехнулся, ему было всё равно. Но когда он уже собирался уйти, притворившись, что ничего не слышал, он услышал имя Цзин Му.

— У Цзин Му действительно хорошие результаты. Сегодня я заглянул в студию и посмотрел его работы. Уровень довольно высокий, у него есть шансы поступить в Академию С.

Фу Ди сказал:

— Бедный ученик, который с помощью школы поступает в престижный университет, — это отличная реклама. К счастью, у этого ребёнка трудное материальное положение, иначе он бы не подписал контракт с школой. Этого ученика ни в коем случае нельзя отпускать. В Синчэне уже семь или восемь лет не было студентов, поступивших в Академию G...

— Что вы имеете в виду?!

Оба не ожидали, что Лу Юши окажется в кабинете в такое время, и оба испугались.

— Ю-Юши? Что ты здесь делаешь? — спросила Шэнь Цин.

— Сегодня я слышал, как вы разговаривали с родителями Чжоу Сяна у студии, — сказал он. — Почему Цзин Му подписал контракт с школой? Что это за контракт?

Шэнь Цин взглянула на мужа, который хмурился и молчал, затем сказала Лу Юши:

— Уже поздно, тебе пора возвращаться в комнату и отдыхать.

— Вы не хотите мне сказать?

— Контракт заключается для блага ученика, школа обязана сохранять конфиденциальность, — ответил его дед.

— Конфиденциальность? — Лу Юши усмехнулся. — Тогда почему вы не сохранили эту тайну до конца? Секрет, который можно выбросить в любой момент, чтобы успокоить ваших проблемных родителей, разве это секрет?

— Я уже говорил, что части, касающиеся личной жизни учеников, не будут раскрыты.

— Почему? Потому что вы «принципиальный» человек или чтобы защитить ученика?

— Конечно, чтобы защитить ученика.

Улыбка Лу Юши исчезла, его лицо стало бесстрастным. Даже если он не хотел признавать это, в его бесстрастном выражении было семьдесят процентов сходства с той женщиной из его сна.

— Не смотри на меня так, прямо как твоя...! — Шэнь Цин внезапно замолчала, поняв, что потеряла самообладание. Она постаралась успокоиться и мягко сказала:

— Иди отдыхай, завтра тебе в школу, уже поздно.

Лу Юши не принял этот намёк. Он сказал:

— Если бы вы действительно хотели защитить этого ученика, то с самого начала не говорили бы таких двусмысленных вещей. Подписать контракт, перейти из лучшего класса в худший и добровольно отказаться от рекомендации? Любой, кто это услышит, подумает, что за этим скрывается какая-то тайна.

— Никто не знает правды, и слухи будут распространяться, пока не превратятся в нечто ужасное. Не говорите, что вы не можете этого представить.

— В этом контракте, наверное, также требуется, чтобы ученик сохранял конфиденциальность? Тогда, даже если кто-то скажет, что его выгнали из элитного класса за грабёж и убийство, он не сможет оправдаться.

Фу Ди больше не мог сидеть спокойно. Он встал и строго сказал:

— Как ты разговариваешь с бабушкой? «Грабёж и убийство»? Это не те слова, которые ты должен произносить, и никто не будет распространять такие слухи. Это все твои выдумки.

— Вы всё ещё считаете себя моими дедушкой и бабушкой? — Лу Юши вдруг рассмеялся. — То, что я услышал за дверью, тоже мои выдумки?

На его лице появилась тень боли.

— Наконец-то я понимаю, почему Фу Цзюньяо тогда сбежала из дома.

— Ты! — Шэнь Цин была настолько разозлена, что не могла говорить.

— Она была права, вы любите только себя, — Лу Юши сделал шаг назад. — Я не хочу стать таким, как вы. — Он лишь холодно посмотрел на них, затем развернулся и вышел из кабинета. Но вместо того чтобы подняться в свою комнату, он направился к выходу.

Фу Ди бросился за ним.

— Куда ты идёшь?

Он обернулся и спокойно улыбнулся:

— Вы не видите? Я сбегаю из дома.

— Как ты можешь быть таким же эгоистичным, как твоя мать? Сейчас два часа ночи, куда ты пойдёшь? — Шэнь Цин смотрела на него с болью. Лу Юши подумал, что это было смешно. Разве не он должен чувствовать боль?

— Не волнуйтесь, инвестиции моего отца в Хуасин не прекратятся. Я буду исправно ходить в школу, — он опустил глаза. — Я просто не хочу больше вас видеть.

— Вернись, куда ты идёшь!

<http://bllate.org/book/15440/1369422>